

Политика*

(статья 1936 года)

Карл Шмитт

Аннотация. Перевод на русский язык словарной статьи 1936 г., в которой Шмитт пытается развить положения своего знаменитого сочинения «Понятие политического» и в то же время приспособить их для теоретического осмысления нацистского режима на этапе его формирования. На смену политическому как противостоянию врагов, угрожающему самому существованию технически нейтрального государства, приходит, согласно Шмитту, организация народного единства под руководством партии и вождя (фюрера).

Ключевые слова. Политическое, государство, народ, движение, вождь.

I

В общем и целом понятие «политика» до сих пор обычно связывается с его отношением к *государству* и *государственной* власти. В этом значении политическим можно назвать все, что исходит от государства или влияет на него. Поэтому всякая деятельность государства как такового (внешняя и внутренняя политика, финансовая, культурная, социальная политика, политика в области коммунального хозяйства и т. д.) является политической; политические партии и устремления оказывают влияние на формирование государством воли или же пытаются создать эту волю; политика как наука — это наука или учение о государстве; политика как искусство — умение управлять государством или «прикладное учение о государстве». Подобные утверждения исходят из того, что государство было единственной или же единственно существенной и нормальной формой, в какой являл себя политический мир. Сегодня это простое понимание не соответствует действительности. Сегодня нормальное понятие политического единства — *народ*. И потому сегодня все главенствующие политические понятия определяются применительно к народу. Политическим является все, что касается жизненно важных вопросов народа как единого целого.

II

Слово «политика» происходит от греческого слова «полис». Вначале оно обозначало все, что относилось к этому полису, т. е. к античному греческому городу-государству, по преимуществу его внутренний порядок. Благодаря распространению

* Перевод с немецкого Юрия Коринца. Перевод сделан по: *Schmitt C. Politik // Handbuch der neuzeitlichen Wehrwissenschaften. Bd. 1 / Hrsgg. v. H. Franke. Berlin; Leipzig, 1936. S. 547–549.*

© Коринец Ю., 2010

© Центр фундаментальной социологии, 2010

учений греческих философов, особенно двух великих трудов о философии государства — «Политики» Платона¹ и «Политики» Аристотеля — это слово стало употребляться всеми европейскими народами. Но после образования современного государства из общего языкового корня «полис» произошли два слова — «полиция» и «политика». Слово «полиция» означало в абсолютной монархии XVII и XVIII веков *внутригосударственную* деятельность, направленную на общее благо подданных и поддержку правильного порядка внутреннего управления; а употребление слова «политика» подразумевало, скорее, кабинетную, «высокую политику», т. е. *внешнюю* политику. Если для XVIII века политика (в отличие от полиции) была прежде всего внешней политикой, то с началом либерально-демократических битв за конституции XIX века на передний план выступила внутренняя политика. В знаменитых учебниках политики (например, в вышедшей в 1835 году «Политике» Ф. К. Дальмана, «Основных очертах политики» Г. Вайтца 1862 года и в «Политике» В. Рошера 1892 года) в основном обсуждаются внутривнутриполитические конституционные вопросы, особенно традиционное учение о «формах государственного правления» (монархия, аристократия и демократия). И лишь в «Политике» Генриха фон Трейчке (лекции, прочитанные в Берлинском университете, опубликованы в 1898 году) обнаруживается ясное понимание того, что государство должно утверждать свою власть и экзистенцию и вовне, а в случае необходимости — и посредством войны.

Итак, в той же степени, в какой государство раздирается борьбой партий, внутренняя политика в повседневном словоупотреблении предстает собственно сердцевинной и содержанием политического вообще (примат внутренней политики). Немецкое государство XIX века было государством военных и чиновников, в котором сильное, независимое от политических партий правительство противостояло народному представительству (парламенту). Это государство было выстроено дуалистически, как государство князя и народа, поэтому тогда соотношение княжеского правления и парламентского народного представительства считали собственно политическим делом. В государстве, где господствует большинство жестко организованных партий (в так называемом плюралистическом государстве партий), единая общая воля является продуктом (зачастую только побочным) изменчивых коалиций и компромиссов этих партий. Партийная деятельность², имеющая целью коалицию или компромисс, становится содержанием внутренней политики, даже политики вообще. Государство Веймарской системы 1919–1934 годов было таким типичным плюралистическим государством партий, поэтому в повседневном словоупотреблении здесь не различали понятий «политический» и «партийно-политический». В таком случае политика является преимущественно «выравниванием», т. е. деятельностью, направленной на достижение терпимого компромисса. Книга Адольфа Гитлера «Моя борьба» уже своим названием противопоставляет этому образу мыслей другое понятие политического.

¹ В русских переводах этот диалог называется «Государство». — *Прим. ред.*

² В оригинале *Parteibetrieb* — партийное предприятие. Шмитт следует здесь терминологии Макса Вебера. — *Прим. ред.*

III

Итак, содержание слов «политика», «политический» и «неполитический» очевидно зависит от изменчивого положения дел. Поэтому нет противоречия в том, что Бисмарк назвал в свое время политику «искусством возможного», тогда как успехи политики Адольфа Гитлера дали повод определять ее как «искусство сделать возможным казавшееся невозможным» (Й. Геббельс). Не было недостатка в попытках найти определенную предметную область или определенную «материю», которая является политической как таковая и просто по своему объективному содержанию отграничена от других предметных областей (например, от хозяйства, техники, права, ведения войны, морали, религии). В международном праве давно пытались описать область неполитической подсудности третейскому суду и отличать определенные перечисляемые дела как «политические» вопросы от неполитических «вопросов права». Все попытки подобного рода перечисления дел, которые в любом случае должны были бы быть неполитическими, оказались безуспешными. На обеих Гаагских мирных конференциях в 1899 и в 1907 году было, например, предложено установить список дел, «от природы» в любом случае неполитических; в этот список в конце концов были включены только незначительные, почти ничтожные дела (например, оказание помощи неимущим больным), и даже эти вопросы сопровождались такими «оговорками», как национальная честь или жизненно важные интересы, т. е. опять же неискоренимым указанием на политическое.

Опыт истории учит, что в столкновениях народов и партий спорными пунктами борьбы и тем самым вопросами большой политической важности зачастую становятся незначительные и второстепенные дела. Незначительный жест или фраза, безобидная песня или значок становятся политическими, как только попадают в зону борьбы воюющих противоположностей. Этим объясняется то, что, например, приказами от 2 августа 1922 года и от 15 августа 1924 года рейхсверу было запрещено не только ношение политических значков на службе и вне службы, но и исполнение военных маршей, на мелодии которых гражданские распевали партийно-политические тексты, — это посчитали за политическую деятельность. В англосаксонских странах, где сотрудникам так называемой *Civil Service*³ запрещена любая политическая деятельность, можно обнаружить многочисленные сходные примеры того, что и «сами по себе» безвредные действия чиновника или даже его жены в определенной ситуации могут приобретать политический характер. Вековые дискуссии между государством и церковью показывают, что разграничение политического и неполитического (из-за своего религиозного характера) невозможно заранее установить просто перечислением известных предметных областей или вопросов, поскольку и «чисто религиозные» действия в определенной ситуации обретают политический смысл и политическое значение.

Так что противоположности политического и религиозного, политического и юридического, политического и морального, политического и военного и т. д. не содержат абсолютно надежных, одинаково значимых для любой ситуации разграниче-

³ Государственной службы (англ.). — Прим. ред.

ний. Правда, они дают в спокойном и стабильном положении, в общем, пригодные отправные точки, чтобы отличать политическое от неполитического. Но нужно учитывать, что *политическим потенциально может стать все*. Поэтому решение о том, является ли нечто неполитическим, в спорном случае является именно политическим решением. Это доказывает, сколь необходимым стало сегодня для любого народа *единое, способное принимать решения политическое руководство*, чтобы обеспечить превосходство политического решения (примат политики) в противоположность расщеплению на различные предметные области (хозяйство, техника, культура, религия).

IV

Когда в государстве Веймарской системы рейхсвер и чиновничество были «политически нейтральными», это означало только партийно-политический нейтралитет в вышеуказанном (II) смысле. «Неполитический» означало тогда то же самое, что и нейтральный в партийно-политическом смысле. Требование политической нейтральности было двояким: с одной стороны, подразумевался лишь *инструментальный нейтралитет* безвольного инструмента, т. е. представление, что армия и чиновничество должны быть слепой к ценностям и к истине аппаратурой исполнения изменчивого коалиционного большинства и данного в этот момент партийного правления, все равно, является ли оно национальным или интернациональным, воинственным или пацифистским. Именно это имел в виду один из судей Имперского Верховного суда, чье высказывание на так называемом процессе Шерингера 1930 года часто цитируют: «Рейхсвер является инструментом имперского правительства»⁴. Быть неполитическим означало, таким образом, отказ от всякой политической воли и всякой политической субстанции. Но с другой стороны, под нейтральной и неполитической позицией тогда можно было понимать и *надпартийную* позицию, сохранявшую идею государственного *единства* перед лицом партийно-политической разорванности и разобщенности немецкого народа и противопоставлявшую множеству партийно-политических волей единую государственно-политическую волю. Такова была позиция самого рейхсвера, особенно его главнокомандующего, рейхспрезидента фон Гинденбурга.

В национал-социалистическом государстве вождя преодолено плюралистическое государство партий и выработано безусловное единство политической воли. Организованное в рамках НСДАП движение является единственным носителем политического руководства. Благодаря этому исчезают все противоречия и раздоры, которые запутывали как понятие «политическое», так и понятие «неполитическое». Перед лицом единого и ясного политического решения не существует никакого неполитического или надполитического нейтралитета. Но, пожалуй, можно говорить

⁴ Речь идет о процессе против сочувствовавших нацистам и боровшихся с влиянием коммунистов офицерах рейхсвера. Под имперским правительством имеется в виду в данном случае правительство Веймарской Германии, однако в отличие от «рейхсвера» (имперских вооруженных сил) и «рейхспрезидента» (имперского президента), для «Reichsregierung» нет аналогичного русского термина-кальки. — *Прим. ред.*

здесь о деполитизации в том смысле, что это преимущество политического руководства и подобающая движению «монополия на политическое», безусловно, признаются, и тем самым прекращаются все споры о политическом или неполитическом характере некоего процесса.

V

Любая политика принимает в расчет возможность сопротивления, которое она должна преодолеть. Она не может отказаться от борьбы и ограничиваться тактикой уравнивания и компромисса. Подлинной «деполитизации» и абсолютно неполитического состояния достиг бы только тот, кто принципиально не желал бы более различать друга и врага. Но под политикой понимают также оформление и достижение порядка и гармонии всеохватного народного Целого, внутри которого нет вражды и которое как Целое со своей позиции в состоянии определять друга и врага. Итак, глубочайшая противоположность в воззрениях на сущность политического касается не вопроса, может или нет политика отказаться от всякой борьбы (этого она сделать вообще не может, не перестав быть политикой), но другого вопроса: *в чем обретают свой смысл война и борьба*. Имеет ли война свой смысл в самой себе или в мире, достигаемом благодаря войне?

Согласно воззрению чисто воинственному, у войны есть свой смысл, свое право и свой героизм в ней самой; человек, как говорит Эрнст Юнгер, «не предназначен для мира». О том же — знаменитый тезис Гераклита: «Война — отец и царь всего; одних она делает богами, других — людьми; одних она делает свободными, других — рабами». Такое воззрение в качестве чисто *воинственного* противоположно *политической* точке зрения. Последняя исходит скорее из того, что войны осмысленным образом ведутся ради мира и являются средствами политики. Война, как говорит Клаузевиц в сочинении «О войне», «является только инструментом политики и ничем иным, кроме как продолжением политического действия другими средствами». Это воззрение на сущность политики, которое находится в основе устремленной к воинственности, чести и миру политики вождя и рейхсканцлера Адольфа Гитлера.